

Русский Дон Жуан Антона Чехова

Пронин В.

Пронин Владислав Александрович - литературовед. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории литературы Московского государственного университета печати. Живёт в Москве.

Легендарный испанский повеса поселился на страницах русской классики со времён Александра Пушкина, который в одной из своих "Маленьких трагедий" вывел на подмостки Дон Гуана. Генезис "Каменного гостя" не вполне ясен. Пушкин мог быть знаком с комедией Мольера "Дон Жуан", был ему известен роман в стихах Байрона "Дон Жуан", хотя с английским воплощением знаменитой легенды сходства мало, но у Пушкина вслед за Байроном архетип героя являет собой ипостась естественного человека, только байроновский юноша устремлён к добру, а Дон Гуан Пушкина самоутверждается в страстях и поединках, где он неприменимый победитель. Напрашивается параллель с самим английским поэтом, Пушкину, надо полагать, донжуанский список Байрона был ведом, но сравнение Дон Гуана с Байроном нас завело бы слишком далеко.

Пушкин в марте 1828 года вписал в альбом знаменитой польской пианистки Марии Шимановской три строки из "Каменного гостя":

*Клянусь тебе, Лаура, никогда
С таким ты совершенством не играла.
Как роль свою ты верно поняла!*

Можно допустить, что поэт сказал, откуда взяты строки. Можно предположить, что они могли в этой связи поговорить о самом знаменитом воплощении легенды - опере Моцарта "Дон Жуан, или Наказанный развратник". Только у одного Моцарта уже в названии (либретто Л. да Понте) сказано о наказании, Пушкин же движет сюжет к возмездию, следуя, возможно, за Моцартом. Показательно в этом плане наблюдение Анны

Ахматовой: "...Он герой до конца, но эта смесь холодной жестокости с детской беспечностью производит потрясающее впечатление. Поэтому пушкинский Гуан, несмотря на своё изящество и свои светские манеры, гораздо страшнее своих предшественников"¹.

Несмотря на то, что проблема издавна волновала читателей и литературоведов, установить источник пушкинского текста не представляется возможным. Правильнее всего сказать, что Пушкин воспользовался легендой в её изустном распространении и своим "Дон Гуаном" обновил легенду, придав ей в России огромную популярность. Вслед за Пушкиным к этому вечному образу обращаются Алексей Константинович Толстой, Леся Украинка, Александр Блок, Николай Гумилёв, Марина Цветаева, Борис Зайцев и ещё целый ряд поэтов и драматургов. Произведения неравнозначны, но они свидетельствуют о том, что чужеземный персонаж прочно внедрился не только в художественную литературу, но и в обыденное российское сознание, став именем нарицательным.

Эволюция истории Дон Жуана в высшей степени любопытна в историческом и теоретическом плане. Дон Жуан Тенорио был убит монахами-францисканцами, которые сочинили миф о грозной статуе, якобы отомстившей ему за грехи. Заметим, что статуя-мстительница - один из архетипических сюжетов мировой литературы (Шекспир, Мериме, Мопассан и др.). Ключевыми словами легенды стали: поединок (дуэль), монастырь, кладбище. Сюжет изначально не всегда интерпретировался трагически. В *commedia dell'arte*, откуда узнал сюжет Мольер, история трактовалась в сопровождении комического антуража.

Но вернёмся в Россию. Легенда о Дон Жуане приобретает сперва знаковость формулы, затем вновь превращается в легенду, обрастая дополнительными персонажами и подробностями, вызывает новые интерпретации, но в силу преувеличенного драматизма в "Каменном госте" Пушкина пафос идёт на понижение, включается в обыденную среду, а в литературных текстах обретает порой явную пародийность. При этом пародируется Дон Жуан сперва в бытовой речи, а затем в литературе, что можно убедительно проследить на прозаических и драматургических текстах Чехова.

В рассказах он зачастую мимоходом ставит знак равенства между каким-нибудь присяжным поверенным и испанским грандом, что носит у автора амбивалентный характер: поднимая, опускает, ибо Дон Жуан российскому успешному ухажёру никак не ровня.

Дон Жуан вторгается в прозу Чехова с его первых юморесок. В коротком рассказе "Пропавшее дело (Водевильное происшествие)" незадачливый искатель богатой невесты чувствовал себя, спеша на свидание, Дон Жуаном.

В рассказе "Отставной раб" уже даётся расшифровка сути персонажа в провинциальном российском понимании. Старый слуга растолковывает молоденькой служанке, что значит Дон-Жуан: "Это обозначает, что он до женского пола большой Дон-Жуан был. Любил вашего брата. Всё своё состояние на женский пол провалил".

В юмореске "Длинный язык" мимоходом рогатый супруг вернувшейся из Крыма беспутной жёнушке, много болтавшей о татарах, замечает: "Говорят, дон жуаны страшные". Он в данном случае не ошибся.

У Чехова упоминаются и московские, и провинциальные, и даже "кухаричьи дон жуаны". Любопытна деталь: написание имени героя, превратившегося в нарицательный персонаж, различно. Антон Чехов зафиксировал феномен массового сознания: архетип превратился в стилистическую фигуру - упрощённую, примитивную, но зато вполне доступную пониманию обывателя. Легенда опошлена. Когда же образ Дон Жуана материализуется в интеллигентской среде, то снабжается аксессуарами из старинной легенды, но чеховские персонажи её намеренно пародируют. Так, в незавершённой комедии "Леший" Елена Андреевна произносит реплику: "Я готова (*мужу*). Ну, бери меня, статуя командора, и проваливайся со мной в свои двадцать шесть унылых комнат! Туда мне и дорога!"

В данном случае знаменитая аллюзия из легенды возникает, чтобы иронически прокомментировать адюльтер, не посвящая мужа, других персонажей, а заодно зрителя, в двусмысленность ситуации.

Коллизия - любовь вне брака довольно часто встречается и в зрелой драматургии Чехова. В "Иванове" заглавный герой, женатый на Сарре, своим увлечением юной Сашенькой доводит законную супругу до самоубийства. Но кого в этом треугольнике он любит? Ответ может быть только один - себя. Своеобразие любовных отношений в драмах Чехова заключается в том, что, оказавшись в роли Дон Жуана, ни Иванов, ни Вершинин, ни доктор Астров не в состоянии достойно сыграть эту роль в реальности. Для всех чеховских Дон Жуанов страсть как напасть. В драме "Три сестры" едва появился подполковник Вершинин, среди прочих подробностей Маша, именно Маша вспоминает, что в Москве в давние поры, когда он ещё был поручиком, его дразнили "влюблённый майор". Реминисценция из прошлого срабатывает: Маша в третьем кульминационном акте кается: "Люблю - такая, значит, судьба моя. Значит, доля моя такая... И он меня любит... Это всё страшно. Да?"

Страшно другое: любит ли он? На самом деле, Чехов переиначивает легенду о Дон Жуане гораздо серьёзнее, чем кажется на первый взгляд. У Чехова любят героини, а герои только позволяют любить себя. В этом плане можно поставить знак равенства между Раневской и Дуняшей в "Вишнёвом саде". Может быть, самое серьёзное обвинение, которое предъявляет своим современникам бывший юморист, ставший трагиком, - неспособность к сильным чувствам, и касается это и его самого. В подробнейшем жизнеописании английского слависта Дональда Рейфилда об этом сказано много, а в предисловии замечено, что парадигмой биографии является и трагическая поэма о Дон Жуане.

Присматриваясь к отношениям некоторых чеховских героев с прекрасным полом, нельзя не заметить ещё одно странное сходство в обхождении с дамами Дон Жуана. Испанский идалго у Тирсо де Молины, Мольера и особенно демонстративно у Пушкина жаждет победы не столько ради самой любви, но на первом месте у него победа над соперником. Дон Гуан у Пушкина убивает Дон Карлоса. Убийца целует Лауру, которая восклицает: "Постой... при мёртвом!.." А перед тем, как заключить в объятия, убивший вопрошает:

*А признайся,
А сколько раз ты изменяла мне
В моём отсутствии?*

В качестве комментария воспользуемся суждением, который высказала видный специалист в этой сфере Камилла Палья: "Всякая любовь - битва, борьба с призраками. Мы стоим за что-либо, только выступая *против* чего-то"².

Донжуанов комплекс уводит в глубокую архаику, в ту недоступную взгляду первобытную эпоху, когда возник и Эдипов комплекс, когда смерть и эрос соседствовали.

Конечно, в драмах Чехова подобных откровений не встретить, но у русского классика не единожды рождается разрушительная страсть из ревности и соперничества. Бесспорный аргумент - любовь Солёного к Ирине и убийство на спровоцированной им дуэли Тузенбаха. О любви к младшей из сестёр Прозоровых он говорит не ей, а окружающим и буквально с первых слов грозит смертельной карой сопернику.

Второй пример из "Дяди Вани". Иван Петрович любит не саму Елену Андреевну, а жену профессора Серебрякова. Любит из ревности. Страсть достигает апогея, когда Серебряков ему становится ненавистен, в истерическом аффекте он несколько раз стреляет в законного супруга своей возлюбленной.

В "Чайке" ситуация сложнее и трагичнее. Увлечение Треплева Ниной Заречной перерастает в страсть, когда у него появляется соперник счастливый Тригорин. Стреляется он спустя два года, когда появляется уже иная Нина, он хотел, чтобы она стала вновь той, "дотригоринской". Осознавая невозможность и, очевидно, свою вину, слабость, трусость, он совершает, с его точки зрения, сильный поступок. Стреляется. Об этом первым узнаёт нейтральный в этом сюжете для небольшого рассказа Дорн, который тут же сказал о самоубийстве Тригориному. Реакции не последовало.

Поскольку Чехову не удаётся найти кандидата на амплуа Дон Жуана в серьёзной драматургии, он обращается к стихии комической и в шутке в одном действии под названием "Медведь" довольно детально воспроизводит сюжетный каркас легенды о Дон Жуане, создавая скрытую пародию.

Комедия открывается ворчливым монологом слуги, который, как это было и у Мольера, вводит читателя или зрителя вовнутрь ситуации, сердится на хозяйку, что де после смерти супруга она заперла себя в четырёх стенах, никого не принимает, только делает визиты к покойнику на кладбище.

Вдовушкой с ямочками на щеках произнесены ключевые слова "монастырь", "кладбище", которые призваны подтвердить её верность ветреному покойнику: "Ты увидишь, Nicolas, как я умею любить и прощать... Любовь моя угаснет вместе со мною, когда перестанет биться моё бедное сердце".

У того, кому доведётся повести себя на манер севильского повесы, свои отношения с покинувшим бранный мир Николаем Михайловичем. Григорий Степанович Смирнов, нестарый помещик, ворвался к вдове, чтобы получить с неё то, что задолжал ему усопший. Финансовые разногласия обернутся любовным союзом, но на пути к финальному поцелую он будет действовать в соответствии с легендарным сюжетом: траур госпожи Поповой зажигает в нём страсть. Не так ли происходило с исконным Дон Жуаном? Он освежит в памяти свой донжуанский список: Дон Жуан в легенде перед новой победой вспоминает о своих былых

успехах у прекрасных дам, будучи уверен, что новая победа никоим образом его не разочарует.

"Сударыня, на своём веку я видел женщин гораздо больше, чем вы воробьев! Три раза я стрелялся на дуэли из-за женщины, двенадцать женщин я бросил, девять бросили меня! Да-с! Было время, когда я ломал дурака, миндальничал, медоточил, рассыпался бисером, шаркал ногами... Любил, страдал, вздыхал на луну, раскисал, таял, холодел... Любил страстно, бешено, на всякие манеры, чёрт меня возьми, трещал как сорока об эмансипации, прожил на нежном чувстве половину состояния, но теперь - слуга покорный! Теперь меня не проведёте! Довольно! Очи чёрные, очи страстные, алые губки, ямочки на щеках, луна, шёпот, робкое дыханье - за всё это, сударыня, я теперь и медного гроша не дам!".

Монолог отставного поручика любопытен тем, что, во-первых, он хвастает своей брутальностью и соответственно дуэлями. Чем не Дон Жуан! Во-вторых, это не столько воспоминания о своей юности, сколько некое усреднённое изображение влюбчивого юного человека, куда пародии ради включены литературные реминисценции (Е. Гребёнка, А. Фет). В-третьих, и в воспоминаниях о былом он не забывает подвести финансовый баланс. Впрочем, спор о долге покойника плавно перетекает в дискуссию о том, кто более верен в любви: мужчины или женщины. Наступает черёд излить свои сетования вдове.

Пародийность "Медведя" становится очевидной в сцене дуэли. Нелепый, с точки зрения здравого смысла, намечающийся поединок с дамой призван сделать уездную коллизию пародийно адекватной севильской всемирно известной легенде: Дон Жуану положено стреляться, и неважно, с кем.

Сам Чехов называл "Медведя" французским водевилем и в письмах родным и близким во всех подробностях рассказывал об успехе одноактной пьески в Москве, Петербурге и провинции. "Медведь" с точки зрения сюжета с его непредсказуемой очевидностью - всего лишь анекдот, мастерски рассказанный. Дополнительный комический эффект ему придаёт то, что автор закамouflировал легенду, перенеся её из высокой классики на житейскую прозаическую почву, аналогия придала обоим героям особый дополнительный шарм.